

Предисловие

Феномен сознания всегда был и остается традиционной темой философских исследований. Еще в VI в. до Р.Х. древнегреческий анатом и врач Алкмеон из Кротона впервые высказал предположение, что наш мозг является центральным органом психики, нашего сознания и мышления. Но хотя в прошлые эпохи было выдвинуто немало религиозно-теологических учений, спекулятивно-философских концепций и удивительных научных догадок, материальная основа человеческой психики и сознания вплоть до недавнего времени оставалась малоизученной. Многим направлениям классической философии, которые исходили из божественной природы человеческого сознания или считали неправомерным редуцировать эту нашу когнитивную способность к каким-то физическим, химическим или физиологическим процессам, так и не удалось преодолеть дуализм души и тела, относительную противоположность духовной реальности и ее материального субстрата. Новые перспективы появились здесь благодаря открытиям, которые были получены во второй половине XX в. в молекулярной биологии, нейробиологии, психофизиологии, когнитивной психологии и других областях когнитивной науки. В распоряжении исследователей оказался огромный массив научной информации, касающейся функционирования когнитивной системы человека и генетических основ высших когнитивных способностей, несопоставимый по своему объему и достоверности с теми догадками, наблюдениями и умозрительными предположениями, которые были накоплены человечеством в течение предшествующих тысячелетий. В решающей мере это явилось результатом создания принципиально новых технических устройств и разработки соответствующих экспериментальных методов. До их появления инструментарий нашего познания высших когнитивных функций человека ограничивался главным образом лишь интроспекцией, наблюдениями за поведением пациентов и анализом языка. Предполагалось, что сознание, мышление и т.п. не являются способностями, генерируемыми живой природной реальностью, подлежащей биологической эволюции, которую (независимо от вовлеченности в опыт сознательного субъекта) можно объективно исследовать экспериментальными методами. Многие исследователи полагали, что объективные (или интерсубъективные) характеристики работы вербального сознания (и мышления) могут материально проявляться только в речевых актах, в структурах естественных (или искусственных) языков. Отсюда

и характерная для первой половины XX в. тенденция к гипертрофированию функций языка по отношению к мышлению (гипотеза Сепира-Уорфа), получившая развитие не только в структурной лингвистике, но и в лингвистической философии, логическом эмпиризме, в философии сознания и т.д.

Один из весьма распространенных аргументов представителей феноменологии и ряда других направлений первой половины XX в. против материалистических концепций сознания состоял в том, что в отличие от явлений психических физические явления не обладают свойством *интенциональности*, направленности на какой-либо объект. Впервые эта гипотеза была выдвинута учителем З.Фрейда австрийским психологом Францем Brentano, который полагал, что интенциональная присущность, отнесенность к чему-либо как к объекту является видовым признаком сугубо психических явлений. (При этом он считал, что такой признак отсутствует у такой когнитивной способности, как восприятие.) Применительно к человеческому сознанию интенциональность означает его направленность на предмет, полагание предмета в сознательной мысли, т.е. предметность сознания. (Существуют, однако, неинтенциональные состояния сознания — например, сон.) Но, как теперь установлено, *интенциональность присуща не только сознательным актам людей*. Она может быть результатом «вычислительной» работы когнитивной системы, которая не обладает способностью (свойством) самоосознавания, самораспознавания или генерации «Я-образов», — например, выступать как не осознаваемая («досознательная» или «предсознательная») направленность «психики» на извлечение сигналов, корреляций и т.п. из внешней и «внутренней» среды (в актах восприятия и самовосприятия). Интенциональность, видимо, генерируется когнитивной системой самых простых живых существ, поведение которых мотивировано биологическими потребностями. Немотивированное поведение резко снижало бы шансы на их выживания, так как для поддержания жизнедеятельности и размножения любым живым существам по меньшей мере требуются определенные условия внешней среды и энергетические ресурсы (питание). Характерно, что интенциональность как системное свойство может успешно самопорождаться в искусственных нейронных сетях, моделирующих адаптивное поведение искусственных живых существ («аниматов»), — при наличии у них мотивации в сетях происходит генерация программ, управляющих *целенаправленным адаптивным поведением*, которое намного эффективнее поведения нецеленаправленного и значительно увеличивает шансы на выживание этих существ в ходе дальнейшей когнитивной

эволюции¹. Таким образом, и целесообразное поведение, и интенциональность («допсихическая», обусловленная исключительно работой гена, без участия нервных клеток, когнитивной системы) могли возникнуть на очень ранних стадиях биологической эволюции. В ходе дальнейшей эволюции у организмов появляются нервные клетки (нейроны), специализирующиеся на переработке когнитивной информации, и происходит формирование *когнитивной системы*. Но даже самая простейшая когнитивная система, обладающая какими-то дополнительными адаптивными преимуществами по сравнению с системами, использующими только прямое генетическое управление поведением, должна сохранять значимые для выживания достижения предшествующих этапов биологической эволюции. В противном случае произошло бы снижение приспособленности соответствующих организмов, а биологические новации вряд ли бы получили закрепление в геноме популяций. Поэтому вместе с появлением у организмов когнитивной системы возникает и такое ее системное свойство, как *интенциональность*. Это свойство присуще самым примитивным «когнитивным способностям» живых организмов, оно предполагает наличие порождающих когнитивную информацию условных алгоритмов, которые обеспечивают целенаправленный выбор из окружающей среды необходимых для их выживания сигналов, корреляций и т.д.

Конечно, в силу сугубо информационной природы интенциональности «психики» этот признак нельзя приписывать нейробиологическим или нейрофизиологическим (физическим) структурам, а только работе когнитивной системы в целом, интегрирующей управление процессами переработки информации. Возникновение сознания, которое в ходе биологической (когнитивной) эволюции гоминид постепенно обрело способность управлять высшими когнитивными функциями, повлекло за собой генерацию качественно нового уровня интенциональности человеческой психики — интенциональности «второго порядка».

Результаты проведенных за последние десятилетия исследования нейробиологических и нейропсихологических основ работы нашей когнитивной системы, в частности, показали, что хотя связи между «физическими» и «психическими» событиями в мозге могут быть опосредованы многими относительно независимыми и не редуцируемыми друг к другу уровнями живой материи — информационным, молекулярно-генетическим, нейробиологическим и т.д. — они все же намного теснее, чем это полагали и полагают сторонники картезиан-

¹ См., например: *Редько В.Г.* Эволюция, нейронные сети, интеллект. М., 2005. С. 188–203.

ского дуализма души и тела. Однако неприемлемость дуализма как способ решения проблемы духовного и телесного конечно же не означает, что появились какие-то бесспорные решающие аргументы в пользу редукционизма (редуктивизма). Редукционизм опирается на различные варианты теории тождества психического и физического и в силу этого, как считают многие философы, игнорирует специфику и фундаментальное значение человеческой культуры, культурной информации. Однако ясно, что несостоятельность «физикализма» не исключает правомерности иных материалистических концепций сознания.

В то же время современная эпистемология не может игнорировать тот факт, что гипотеза о тождестве физического и психического, утверждающая, что каждому состоянию сознания однозначно (или «много-многозначно») соответствует определенное состояние мозга (или что имеется только одно состояние, которое может восприниматься либо психологически, либо физиологически), остается весьма популярной среди естествоиспытателей — нейрофизиологов, психофизиологов, нейробиологов и т.д. Ее истоки восходят к хорошо известной идее, выдвинутой в свое время одним из пионеров экспериментальной психологии В.Вундтом, согласно которой каждое психическое явление имеет свое физиологическое измерение. Эта идея прекрасно иллюстрировалась известными явлениями покраснения, испарины, изменения сердечного ритма, дыхания и т.д., связанными с переживаниями и сильными эмоциями. Конечно, даже современные варианты гипотезы о тождестве физического и психического нельзя рассматривать как достаточно хорошо подтвержденные. В то же время следует признать, что до сих пор против этой гипотезы не было выдвинуто какого-то решающего контраргумента. Нельзя также отрицать ее эвристичности, поскольку без определенной доли уверенности в наличие каких-то корреляций между психическими и более «низкоуровневыми» физическими (химическими, биологическими) процессами, между, например, работой конкретных генов и выполнением мозгом когнитивных функций (память, пространственно-образное мышление и т.д.), психическими заболеваниями (наркомания, неврозы и т.п.) невозможно осуществлять соответствующие поиски в молекулярной биологии, нейробиологии, нейрофизиологии и т.д. Поскольку человек как биологический вид генетически унаследовал достижения многих своих гоминидных и догоминидных предков, то неудивительно, что не только относительно низкоуровневые процессы в его организме, но даже и какие-то высокоуровневые процессы переработки информации в его мозге могут управляться непосредственно генами.

Поэтому только на первый взгляд может показаться парадоксальным тот факт, что, опираясь на гипотезу о тождестве «физического» и «психического», были получены очень точные данные о физических эффектах сильных эмоций, о локализации зон мозга, связанных с некоторыми когнитивными способностями, с когнитивными типами мышления, о связи между функционированием мозга и некоторых желез (например, щитовидной железы), о предрасположенности к наркомании, зависящей от структурных нарушений в определенных генах, о зависимости нашей памяти и речепродукции, а также пространственного восприятия и пространственно-образного мышления от работы конкретных ген и генетических aberrаций и т.д. Этим и многим другим замечательным открытиям мы обязаны появлению принципиально новых методов диагностики и лечения больных, разработке лекарственных препаратов, влияющих на функционирование нашего мозга. Многие ученые-естественники уверены, что все, что отражается в наших переживаниях, в состояниях нашей психики, т.е. в работе нашей когнитивной системы, имеет свой коррелят в молекулярно-генетических, нейробиологических и нейрофизиологических процессах, хотя, с другой стороны, далеко не все информационные изменения на уровне когнитивной системы получают соответствующую репрезентацию в наших осознаваемых субъективных переживаниях, в нашей психике.

Конечно, психика каждого отдельного человека уникальна, неповторима хотя бы по причине генетической уникальности каждого индивида и его мозга. Поэтому *индивиды в принципе не могут обладать идентичными физическими свойствами*, а уж тем более иметь *идентичные ментальные свойства* (или когнитивные состояния). Ведь, как уже отмечалось, между физическим и психическим уровнями располагаются другие, промежуточные уровни со своими прямыми и обратными связями. Таким образом, о тождестве «физического» и «психического» применительно к отдельному человеку можно говорить лишь с изрядной долей условности, метафорически. Однако это не означает, что каузальная связь между физическими и ментальными событиями вообще не подпадает под известные естественнонаучные законы (например, законы генетики), и нам остается только апеллировать к гипотезе супервентности, допустив, что ментальные события лишь непонятным образом следуют за физическими событиями, дополняют их. Многие последние открытия в области молекулярной генетики, а также исследования работающего мозга с помощью сканеров магнитного резонанса весьма убедительно свидетельствуют о том, что наш мозг не может изменяться в некотором ментальном отно-

шении, не изменяясь при этом в некотором физическом отношении. Более того, ментальные события (например, когнитивные проблемы, связанные с решением определенных задач, если с ними постоянно сталкиваются люди на протяжении нескольких поколений) могут привести к необратимым физическим изменениям (например, к изменению набора структурных генов в геноме популяций). Конечно, новые открытия в когнитивной науке, генетике, а также создание все более высокотехнологичной экспериментальной техники наводят на мысль о необходимости внести весьма существенные коррективы в философские и эпистемологические представления о сознании.

В предлагаемой вниманию читателей книге представлен ряд новых результатов текущих исследований современных российских философов — сотрудников Института философии РАН — по проблеме сознания. В книге рассматривается эволюция представлений о сознании в философии сознания второй половины XX в.: она представлена здесь как процесс смены исследовательских программ — теории трансляции, концепций психологического и логического бихевиоризма, теории тождества, функционализма, элиминативизма, нейрофизиологического элиминативизма и др. Анализируются также естественнонаучные гипотезы о природе сознания (Ф.Крика, Д.Эдельмана, Р.Пенроуза), вопрос об эволюционной и информационной природе сознания. В книге предприняты попытки по специфическим критериям выделить слои, типы и когнитивные уровни сознания — например, «глубинное» и «поверхностное» сознание или сознание «перцептивное» и «символьное» и т.д.

И. П. Меркулов